

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н.С. Седых

10.7256/2305-560X.2013.01.12

ТЕРРОРИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОСТИ: ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье представлен анализ терроризма в контексте глобализационных процессов современности и информационно-психологических угроз. Рассматриваются социальные и психолого-политические предпосылки развития терроризма в современных условиях, а также влияние факторов глобальной рискогенности на террористическую активность. Анализируются отдельные проявления террористической агрессии в контексте проблематики информационно — психологического воздействия. В этой связи обозначаются перспективы дальнейших исследований проблемы.*

***Ключевые слова:** политология, терроризм, общество, риск, угроза, безопасность, глобализация, воздействие, информация, коммуникация.*

Террористы взяли на себя в конце XX века функции «трансцендентальной критики» существующего социального порядка. Это свидетельствует о том, что современные террористические организации и группы претендуют на статус агентов революционных изменений. Один из первых русских террористов-революционеров, основатель «Народной расправы» Петр Нечаев, писал, что «революционер живет в обществе, имея своей целью беспощадное его разрушение... Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения ли, какого-нибудь человека, принадлежащего этому миру, — все и вся должны быть ему ненавистны... Все нежные и изнеживающие чувства родства, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единой холодной страстью революционного дела»¹. В этой связи обратимся к уставу эсеровской Боевой организации, созданному на рубеже XIX — XX веков. В нём провозглашены общие цели террористической деятельности, заключающиеся «в борьбе с существующим строем посредством устрашения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы»². Результатом террористической борьбы, как говорится в уставе, станет осознание невозможности сохранения существующего строя. Отметим, что

современные радикальные деятели придерживаются сходного мнения. Например, Сейид Кутб убеждён, что «... исламская религия имеет своей целью обратить всех обитателей этого мира к их Господу и избавить их от порабощения...»³. Вместе с тем он утверждает, что исламское возрождение не может быть начато без религиозной, а успешно продолжено и завершено без политической революции⁴

Как известно, в настоящее время наблюдается активизация исламизма, являющегося идейным течением в мусульманской мысли новейшего времени, основанным на представлении о необходимости утверждения в обществе и государстве в определённых политических границах или в планетарном масштабе господства всеобъемлющего исламского комплекса правил поведения — шариата. Вместе с тем также интенсивно развивается исламский экстремизм, который рассматривается как крайнее идейно-политическое течение в исламе, провозглашающее своей главной целью установление исламских форм государственной власти путем использования различных видов вооружённого и политического насилия⁵.

Однако важно учитывать, что развитие терроризма как формы социального протеста происхо-

¹ Рудницкая Е., Будницкий О. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М.: Археологический центр, 1997. С. 316.

² Там же.

³ Кутб С. Отрывки из книги «Веги на пути» // Исламская интеллектуальная инициатива XX / Сост. и комм. А. Ежова; под ред. Г.Д. Джемала. М., 2005. С. 283.

⁴ См. :www.qutb.org/argiv/09a.htm

⁵ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М.: Наука, 2011. С. 8, 15.

дит под воздействием процессов, протекающих в конкретный социально-исторический период, который характеризуется, по мнению исследователей У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, становлением общества риска. Риск, полагает У. Бек, может быть определен как «систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией как таковой»⁶. В этой связи отметим, что события последних десятилетий убедительно демонстрируют: «...политизация религий происходит не в традиционных, архаичных обществах, где большинство населения активно исповедует религию, ... а, напротив, в обществах, достигших высокой степени модернизации и секуляризации»⁷. «Модернизация, — пишет Д. Эспозито, — не просто не привела к прогрессирующей секуляризации, но и стала главным фактором возрождения ислама в мусульманских обществах»⁸. Это, на наш взгляд, во многом обусловлено, тем, что сопутствующим продуктом модернизации считает У. Бек, являются риски, которые производятся в изобилии и выступают предметом распределения. Исследователь обращает особое внимание на то, что «...риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски — в низших»⁹. Это усиливает классовое общество, отличительным признаком которого становится то, что проблема распределения рисков выходит на первый план и становится главной по сравнению с проблемой распределения материальных благ. Причём неравномерность распределения рисков, считает У. Бек, прослеживается и среди стран. Показательно, что рисков чаще и больше встречается в менее развитых странах. Например, несмотря на то, что страны с мусульманским населением изобилуют природными ресурсами, контраст между бедными и богатыми в них чрезвычайно велик и приближается к черте, за которой, по прогнозам аналитиков, возможен революционный взрыв. Экономическая отсталость всего мусульманского мира характеризуется следующими цифрами: исламские страны, составляя пятую часть населения земного шара, обладая 70% мировых энергоресурсов и 40% сырья, имеют общий валовый национальный продукт, не превышающий 5% мирового валового

продукта¹⁰. Тревожные данные приводились и в совместном докладе 2002 г. о развитии человеческих ресурсов в арабских странах ПРООН и Арабского фонда экономического и социального развития. В частности, «четверть населения этой части планеты, богатой углеводородами, существует менее чем на 2 долл. в день». Половина арабской молодежи стремится эмигрировать¹¹.

Как подчеркивал Т. Гоббс, выгода, безопасность и репутация составляют три мотивирующие цели человека. Человек стремится к высокой репутации, потому что является существом, наделенным гордостью и эгоистическим интересом. Гордость заставляет его быть завистливым в силу боязни, что «другие» сочтут его менее достойным, чем они сами, толкая этим предпринять соответствующие шаги. Такой образ мыслей присущ не только отдельным индивидам, но также социальным группам и общностям. Вследствие этого большое значение предается категории «государственная честь». «Государственная честь» воплощается в понятии «престиж», который определяется, прежде всего, экономическими и политическими возможностями государства¹².

Терроризм, полагает К. Оотс, является следствием «фрустрации личных, экономических, политических нужд»¹³. В настоящее время признаётся, что глобализация отразилась на исламских странах преимущественно негативно. Это, по мнению многих исследователей, является следствием политики неолиберального глобализма¹⁴. Сущность данной политики и идеологии состоит в навязывании остальному миру рыночной либерализации и сопутствующих ей процессов. Однако при этом игнорируется тот факт, что существующая мировая система ассиметрична. Это выражается, прежде всего, в слабости позиций большинства развивающихся стран в силовом поле мировой экономики и политики. Такие обстоятельства, как худшие стартовые условия модернизации, неравные условия торговли, доступа к рынкам капитала, к новым технологиям, обрекают развивающиеся страны на дальнейшее отставание от лидеров технологического процесса. Следствием этого ста-

⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 131.

⁷ Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М., 2004. С. 42.

⁸ Esposito J.L. The Islamic Threat. N.Y.; Oxford, 1992. P. 23.

⁹ Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс-традиция, 2001. С. 330.

¹⁰ См.: Градировский С.И. Ислам и политика в поисках формы // Ислам в России: взгляд из регионов / науч. ред. А.В. Малашенко. М., 2007. С. 10–34.

¹¹ Там же.

¹² См.: Гаджиев К.С. О природе войн и конфликтов в современном мире // Вопросы философии. № 6. 1997. С. 11.

¹³ См.: Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия / Под. общ. ред. А.Е. Тарас: Мн.: Харвест, 2000. С. 346.

¹⁴ См.: Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 341.

новится снижение роли экономического и политического суверенитета. Очевидно, что развивающиеся страны не в состоянии конкурировать с высокоразвитыми государствами и их транснациональными корпорациями экономически и оказывать адекватное политическое противостояние. В результате этого противостояние приобретает внеэкономические и внешнеполитические формы, в том числе и форму международного терроризма. В этой связи современный международный терроризм в широком значении данного понятия — это не столько столкновение религий, наций, цивилизаций, сколько антагонизм между страшной бедностью нередко потенциально богатых регионов и беспредельным богатством развитых стран. И здесь движущей силой выступает не столько сама бедность, сколько величайшая социальная несправедливость в мире, удерживаемая с помощью серьёзного прямого и косвенного давления и насилия одних слоёв общества над другими, одних стран над другими, одних народов над другими¹⁵. Как известно, психологически бедность крайне негативно воспринимается и очень тяжело переживается именно на фоне социально-экономического неравенства.

В силу этого притязание групп государств на доминирование в мировом сообществе становятся психологической почвой для возникновения ненависти и мести, особенно при сопутствующем идеологическом и религиозно — фанатическом оформлении¹⁶. Вследствие политики неолиберального глобализма, по мнению Н.М. Хазанова, Г.Г. Дилигенского, К.В. Маркова и других авторов, создается почва для распространения среди больших групп населения неприязни, и даже враждебности к Западу, зачастую получающей свое выражение в экстремистских действиях¹⁷. Ярким примером этого служат события 11 сентября 2001 г. Террористами были тщательно спланированы и основательно подготовлены удары по символам экономического и военного могущества США — Всемирному Торговому Центру и Пентагону.

Это, на наш взгляд, является иллюстрацией «эффекта бумеранга», который, по мнению У. Бека, выражается в том, что риски раньше или позже наступают и тех, кто их производит, так как, распространяясь, несут в себе социальный эффект бумеранга: имеющие богатство и власть тоже от них не застрахованы. Скры-

тые до поры до времени «побочные воздействия» начинают поражать и центры их производства. Агенты модернизации, подчёркивает У. Бек, сами основательно и очень конкретно попадают в водоворот опасностей, которые они же породили и из которых извлекали выгоду. Это происходит в самых разных формах¹⁸. Примером такой формы, по нашему мнению, является движение глобального джихада, который характеризуется авторитетным салафитским теологом Омаром Абу Омаром как «деятельность групп и организаций, направленную на уничтожение светских режимов и возрождение исламского правления, призванного объединить нации в исламский халифат». «Глобальный джихад, — пишет он, — не реформирует существующие режимы, а уничтожает их. Это не только вооружённая борьба, а прежде всего всестороннее цивилизационное видение ...»¹⁹.

Безусловно, данное движение является ответной реакцией на то, что сильные государства «золотого миллиарда» используют глобализацию как инструмент своего господства и «взламывания» всех охраняемых барьеров более слабых государств — финансово-экономических, территориальных, национально-культурных. Цивилизационная экспансия западного мира во главе с США, для многих стран, не входящих в «золотой миллиард», и особенно стран исламского мира, с точки зрения восприятия ими ситуации в мире оценивается как аналог цивилизационного терроризма²⁰. В этой связи политизация ислама рассматривается как реакция мусульманского мира на глобальные вызовы, непосредственно затрагивающие экономический, политический и идеологический аспекты развития мусульманского сообщества (уммы)²¹.

Отметим, что, по мнению Э. Геллнера, именно ислам способен стать глобальной политической системой, предложить альтернативный вариант глобализации²². В этой связи, «цель политизации религии — не возвращение в прошлое и не консервация архаических элементов настоящего, а стремление провести удачную модернизацию общества в самом

¹⁵ Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В.Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН. М.: Наука 2011. С. 5

¹⁶ Соснин В.А. Психология современного терроризма. М.: ФОРУМ, 2010. С. 43.

¹⁷ См.: Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 347.

¹⁸ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 17.

¹⁹ См.: Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М.: Наука, 2011. С. 11.

²⁰ Соснин В.А. Психология современного терроризма. М.: ФОРУМ, 2010. С. 40-41.

²¹ Семедов С.А. Причины политизации ислама в современном мире // <http://do.gendocs.ru/docs/index-227931.html>

²² Gellner E. Religion and the Profane // News Letter, 1997. July–October. P. 25.

широком смысле (от экономической до социальной и политической)»²³.

С точки зрения автора сложившаяся ситуация вполне соотносится с логикой развития современного общества, в котором объединение людей, как подчёркивает У. Бек, происходит по степени подверженности рискам. Причём солидарность такого рода и общие социальные страхи конкретной группы лиц нередко являются движущей силой развития идей относительно переустройства общества.

Глобализация, с точки зрения Э. Гидденса, — это фактор отрыва индивидов, социальных групп, институтов от привязки к локальным социокультурным ситуациям²⁴. Развивающиеся радикальное движение тотального джихада, активно пропагандируемое исламистами с помощью интернет — технологий, нередко увлекает представителей второго — третьего поколения эмигрантов, выросших в западных странах. Это не удивительно, так как одно из последствий глобализации — стирание национальной идентичности. Идеология глобального джихада предлагает альтернативу утраченной идентичности для тех, кто стремится обрести новую принадлежность²⁵.

В этой связи важно отметить, что личностная идентичность формируется и утверждается на основе социальной идентичности. Социальным пространством, в котором прежде замыкалась связь человека с обществом, была страна, нация, государство. Глобализация качественно изменила эту ситуацию, так как её следствием стало то, что обширные макросоциальные отношения людей выходят за рамки национально-государственных общностей, приобретают транснациональный характер. Как считает У. Бек, «вместе с глобализацией рушится структура основных принципов, на которых до сих пор организовывались и жили общества и государства, представляя собой территориальные, отграниченные друг от друга единства...». В результате «образуются новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения между национально-государственными единствами и акторами, с одной стороны, и транснациональными акторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами — с другой»²⁶.

²³ Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М., 2004. С. 42.

²⁴ Гидденс Э. Ускользящий мир. М.: Весь мир, 2003. С. 89.

²⁵ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М.: Наука, 2011. С. 145.

²⁶ Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс-традиция, 2001. С. 385.

Распад национально-государственной идентичности ослабляет и разрушает связи людей с социальными институтами, существующими на базе данной формы макросоциальной общности. Как отмечает З. Бауман, в результате возрастает неопределенность, амбивалентность. Идентичность также разрушают связанные с глобализацией процессы, происходящие в сфере культуры. Идентичность человека с определенной общностью реализуется, прежде всего, через интернационализацию им представлений, норм, ценностей, образцов поведения, образующих её культуру. Соответственно, человеку, утратившему свои культурные корни, грозит психологическая дезорганизация, утрата внутренних правил, регулирующих и упорядочивающих его стремление к цели. Глобализация социальных связей людей выводит их за пределы определенного культурного ареала, приобщает их к эталонам других культур.

Набирающая мощь и интенсивность система глобальной информации и коммуникации играет ведущую роль в том, что массовая культура приобретает в мире всё более гомогенный характер, способствуя, универсализации (гомогенизации) общественной жизни. В результате, как отмечает английский социолог Б. Уилсон, исследующий последствия глобализации в ракурсе её влияния на общественные отношения, на положение человека в обществе, происходит замена традиционных связей между людьми, замыкавшаяся главным образом в рамках локальных сообществ, связями глобального масштаба, множественными, безличными и функциональными. Он констатирует распад ценностей, вызванный разрушением механизма передачи от поколения к поколению высших моральных ценностей с помощью прямых личных связей в рамках первичных сообществ. Особую опасность последствий глобализации Э.Гидденс, Б. Уилсон усматривают в распаде общезначимых социальных ценностей²⁷.

В этой связи отметим, что важной предпосылкой политизации ислама на постсоветском пространстве и распространения фундаменталистских идей, по мнению современного исследователя Р.Ф. Патеева, послужила религиозная безграмотность населения, которая способствовала восприятию чуждых экстремистских идей под видом ислама. Наряду с этим в значительной степени повлияло и формирование глобального информационного общества, так как благодаря технологическому совершенствованию, открылись возможности распространения любых, в том числе и радикальных идей²⁸.

²⁷ См.: Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 401.

²⁸ Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность: Автореф. дис. соиск. ... канд.полит. наук. Ростов-н/Д, 2006. С. 4.

Отечественный исследователь последствий глобализации Г.Г. Дилигенский указывает, что громадное расширение сети социальных связей, в которую включены индивиды, сопровождается возрастающей дестабилизацией этих связей и часто распадом устойчивых человеческих общностей, способных «вооружить» индивида набором четких норм, ценностей, мотивов²⁹. Вследствие этого, по мнению автора, в современном обществе происходит кризис человеческой социальности и её институционального каркаса. Кризис, как отмечает исследователь, порождает самые разнообразные стратегии его преодоления, в том числе и крайние формы национализма и религиозного фундаментализма. Сходного мнения придерживается и К.Н. Гаджиев, полагающий, что под воздействием процессов социокультурной глобализации, складывается ситуация, которая приводит к «обострению чувства безродности, отсутствия корней», к обезличиванию человеческой жизни и резко затрудняет поиск социально приемлемой формы самовыражения. Вследствие этого возникает внутренний разлад, способный перерасти в глубокую неудовлетворенность жизнью и отчаяние, что нередко приводит к поиску выхода в насилие³⁰.

Однако агрессивное поведение, как и другие формы социального поведения в межиндивидуальном или в межгрупповом взаимодействии, регулируется социально принятыми и ситуативно-релевантными нормами. При этом каждый человек, согласно теории Р. Харре, руководствуется в своей «психологической истории» мотивом завоевания уважения других людей. По этой причине стиль действий и тип суждений, которые имеет человек, служат экспрессивной задаче презентации личности в определённом социальном пространстве. Одновременно с этим умение «читать текст» социального взаимодействия, знание его правил и принципов интерпретации, умение понять, как тебя оценивают другие, и выразить свою оценку — всё это для человека есть способ получения уважения окружающих. К описанной презентационной схеме, по Р. Харре, относится и умение выражать публично различные эмоциональные состояния, в том числе и эмоции, связанные с агрессией³¹.

Под террористической агрессией, с нашей точки зрения, следует понимать социально — нормирован-

ный коммуникативный акт, имеющий в рамках конкретной и дискретной ситуации деструктивную цель и призванный решить определённые задачи³². Они состоят в оказании информационно-психологического воздействия, которое заключается в изменении или укреплении взглядов, мнений, отношений и других психологических явлений. Данное воздействие, на наш взгляд, основывается на учёте особенностей развития современного общества и его информационной сферы и осуществляется посредством эксплуатации современных средств массовой коммуникации, к числу которых относится и Интернет. Террористы стремятся использовать средства массовой коммуникации для усиления значения своей разрушительной деятельности и достижения определённых социально — политических целей.

В этой связи важно отметить, что в современных условиях усиливается влияние массовой коммуникации на повседневную жизнь человека. Масс-медиа создают для него своего рода «вторую реальность», «субъективную реальность», которая оказывает значительное, а при определённых условиях, приоритетное воздействие на социальное мышление и поведение личности³³.

Массовая коммуникация, по мнению Д.В. Ольшанского, есть среда формирования, распространения и функционирования различных образцов восприятия, мышления, поведения³⁴. По этой причине лидеры террористических организаций широко используют возможности глобальной Сети Интернет для пропаганды, которая представляет собой целенаправленное и систематическое стремление формировать восприятие и направлять поведение объекта пропаганды для достижения желаемой цели³⁵. В контексте терроризма пропагандистской целью выступает распространение экстремистской идеологии для популяризации террористической деятельности. Интернет позволяет осуществлять то, что Д. Деннинг назвала «управление восприятием — то есть террористы могут позиционировать себя точно такими, какими хотят казаться, без фильтров, налагаемых традиционными СМИ»³⁶. Отметим, что в интересах всемирного джихада действу-

²⁹ См.: Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 329.

³⁰ Гаджиев К.С. О природе конфликтов и войн в современном мире // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 14.

³¹ Харре Р. Грамматика и лексика — векторы социальных представлений // вопросы социологии. 1993. № ½. С. 118-129.

³² Седых Н.С. Современный терроризм с точки зрения информационно-психологических угроз. — Национальная безопасность. № 2 (19). 2012. С. 69.

³³ Богомолова Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. М.: МГУ, 1991. С. 57.

³⁴ Ольшанский Д.В. Политический пиар. СПб, 2003. С. 312.

³⁵ Ольшанский Д.В. Указ. соч. 540 с.

³⁶ Denning D.E. Assessing the computer network operations threat of foreign countries // Information strategy and warfare. Ed. by J. Arquilla, D.A. Borer. New York — London, 2007. P. 31.

ет около 5600 сайтов, причём каждый год открывается около 900 новых³⁷.

Однако наряду с этим осуществляется информационно-психологическое воздействие в целях дестабилизации общества посредством порождением страха перед «лицом террора» у широкого круга лиц и одновременно недоверия к демократическим режимам, не способным защитить граждан от терактов. Важно отметить, что, по мнению радикальных идеологов, акции смертников должны получать мощную медиаподдержку, чтобы возложить ответственность за многочисленные жертвы среди мирного населения Запада на правительства государств, поддерживающих США в их всемирной борьбе с терроризмом. Известный идеолог экстремизма, А. Гадан убеждён, что даже неудавшийся теракт, имеет значительный эффект, поскольку вынуждает власти тратить огромные средства на дополнительные меры безопасности и тем самым провоцирует панику среди жителей западных мегаполисов³⁸.

Итак, объектом международного терроризма являются общественные отношения, регулирующие общественную безопасность, нормальное функционирование органов власти, а также жизнь и здоровье граждан. Соответственно, одна из важнейших промежуточных целей заключается в создании постоянной угрозы общественной безопасности. В этой связи красноречив тезис Р. Инглхарта, исходящего из того, что «западный человек» достиг «фактического состояния безопасности». «Что же произойдет с этим человеком, если он лишится элементарной физической безопасности, гарантий выживания для самого себя и своих близких, если он со дня на день будет ждать смертельного удара по своей стране, городу, дому, нанесенного невидимым и неизвестным врагом?»³⁹

В некоторой степени это отражают данные социологических опросов. В частности, 54% считают вполне возможным совершение теракта в месте, где они живут. Часто ловят себя на мысли, что они сами или члены их семей могут оказаться жертвами терактов около 15%. К 50% эта мысль приходит в основном после трагических случаев. Причём среди сельских

жителей считают теракт вполне возможным 42%, в райцентрах 55%, в областных столицах — 60%, в мегаполисах — 64%⁴⁰. В то же время в экстремальные периоды численность лиц, испытывающих страх стать жертвами теракта, увеличивается на 30-40%, а интенсивность психологической реакции способна достигнуть панических настроений⁴¹.

Вместе с тем, как показывают результаты социологических исследований, граждане убеждены, что именно власть должна защитить их от угрозы терроризма и экстремистских акций. Причём основную ответственность опрошенные возлагают на правоохранительные органы и спецслужбы, правительство и президента России. Однако значительная часть граждан — 45-50% — сомневается, что исполнительная власть сможет защитить страну не только от террористов, но и от преступности как таковой⁴².

Важно отметить, что «терроризм силен не числом и умением, а общественным мнением», — считает английский философ Ян Шрайбер. Как известно, общественное мнение интегрирует отношение к событиям и явлениям социальной реальности и отражает суждения больших социальных групп, народа, социостальной системы общества о значимых явлениях внутренней и международной жизни, вызывающих интерес. Общественное мнение — это коллективное (оценочное) суждение по поводу эмоционально — значимых проблем. Однако это не просто сумма отдельных, индивидуальных мнений, а совокупное мнение, имеющее эмерджентный характер⁴³. Важно отметить, что общественное мнение является подсистемой социальной психики, которая представляет собой сложное, духовное, динамическое, но вместе с тем весьма противоречивое образование. Социальная психика функционирует подобно ансамблю эмоций, настроений, интересов масс. В недрах социальной психики кроются основания социальной воли, побуждающей к массовым действиям.

В этой связи подчеркнём, что терроризм действует отнюдь не персонифицировано. Он направлен не на конкретных лиц, которым приносит гибель. Его

³⁷ Pool J. New Forum Postings Caal for Intensified ElecktronicJihad against Government Websites. 2005. Vol. 3/ Issue 8. 29 August 2012.

³⁸ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М.: Наука, 2011. С. 431.

³⁹ См. Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно — политический портрет. — 2-ое изд. — Институт Востоковедения РАН. — Издательство «Крафт +». 2004. С. 208.

⁴⁰ Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-Сост. Е.П. Добрынина / Под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 211.

⁴¹ Пост терроризма в России. 2004. 4 октября (www.levada.ru).

⁴² Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина / Под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 124.

⁴³ Реклама: внушение и манипуляция / Редакция: Д.Я. Райгородский. М., 2001. С. 378.

цель — это воздействие на массу живых, потрясенных страшным зрелищем другой массы — погибших. Презентуется не конкретная смерть, но аморфная масса безымянных смертей. Терроризм рождается в массе и адресован ей, считает Ж. Бодрийяр. Основное действие терроризма — молчание массы, парализованной ужасом, апофеоз молчаливого большинства. Исследователь полагает, что терроризму присуща «магия анонимности». Даже, если известны исполнители, они не последнее звено, они лишь отсылают либо к целой антисоциальной группе, либо к неизвестным заказчикам. Вместе с тем, когда террористическая организация берет на себя ответственность за теракт, имеет место явление аналогичное растворению индивидуальной ответственности за социальное действие в массе, толпе. В результате происходит превращение трагического события в зрелище, стирание индивидуальных различий, разрушение осмысленной и конструктивной социальной связи⁴⁴.

Лидеры террористических организаций, на наш взгляд, преднамеренно режиссируют акции террора так, чтобы они получили всемирное освещение и оказали информационно-психологическое воздействие. Заметим, что информация является основанием формирования общественного мнения, которое сопровождает все сферы социального бытия, и становится инструментом власти. В контексте данной проблематики автор предлагает рассмотрение современного терроризма как способа информационно-психологического воздействия с целью управления социумом посредством превентивного устрашения и достижения социально-политических и экономических целей⁴⁵. Важно отметить, что информационно-психологическое воздействие — значимый атрибут психологической войны, цель которой — достижение устойчивого

результата в формировании общественного мнения, закладывание установок и паттернов поведения в подсознание масс.

Подводя итог, подчеркнём, что современное общество, по мнению ряда исследователей, переживает кризис безопасности. В настоящее время слово *survive* — выживать стало одним из наиболее употребляемых в национальном и международном лексиконе. Это во многом обусловлено тем, что фактор угрозы терроризма и опасения стать его жертвой воспринимаются как реалии повседневности.

Очевидно, что в настоящее время сложилась ситуация, когда активизация террористической деятельности происходит под воздействием институционализированной системы производства риска, являющейся неотъемлемым атрибутом современного общества. С другой стороны, террористическая активность порождает новые политические, экономические, социальные и психологические риски. В этой связи отметим, что, по мнению У. Бека, в современных условиях следует иметь в виду особый образец распределения модернизационных рисков: им свойственна имманентная тенденция к глобализации. В результате этого зачастую «неизведанные и неожиданные последствия приобретают характер господствующей силы»⁴⁶.

Таким образом, мы считаем необходимым дальнейшее изучение терроризма как способа информационно — психологического воздействия в контексте социальных процессов современности. Такой подход позволит, на наш взгляд, провести системный и всесторонний анализ данного феномена и разработать комплексные меры, направленные на организацию эффективного информационно-психологического противодействия терроризму.

---

⁴⁴ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Изд-во Уральского университета. 2002. С. 43.

⁴⁵ Седых Н.С. Современный терроризм с точки зрения информационно-психологических угроз. — Национальная безопасность. № 2 (19). 2012. С. 70.

---

⁴⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 318.